

ющихъ пьесъ: „Родина“, „Вой бабочекъ“, „Безприданница“, „Строитель Сольнесъ“, „У вратъ царства“, „Дѣти солнца“, „Цѣна жизни“ и „Нора“.

Сибирь, главнымъ образомъ, скверныя жилища, губительно сказывалась на здоровьи В. Ѳ. и остальныхъ артистовъ; почти всѣ переболѣли, пока не добрались до Владивостока, гдѣ стояла чудная весенняя погода. Вѣру Ѳедоровну занимало это путешествіе; въ Харбинѣ она бродила съ товарищами по базарамъ, покупала китайскія и японскія бездѣлушки, матерія, посѣщала храмы, осматривала жилища китайцевъ и все время была въ прекрасномъ настроеніи. Во Владивостокѣ, гдѣ было сыграно 12 спектаклей, сцена все время напоминала судъ хризантемъ, азалий, камелій; номеръ В. Ѳ. весь устроенъ былъ цвѣтами.

Сибирь, полюбившая Вѣру Ѳедоровну, ждала ея новыхъ гастролей на слѣдующій годъ, но, увы, ожиданіямъ этимъ не суждено было исполниться. Въ слѣдующемъ году В. Ѳ. не доѣхала до Сибири, посѣтила послѣдній, не выдавший ея, уголокъ Азіатской Россіи и оставила тамъ свою жизнь. Вѣра Ѳедоровна цѣною большихъ лишений дала возможность всей Россіи увидѣть ея чудный талантъ, но заплатила за это дорогой цѣной.

С. Чарторыжская.

Посвящается Вѣрѣ Федоровнѣ Коммиссар- жевской.

Не говори.

Не говори, что смерть скосила—
Ее, какъ слабенькій цвѣтокъ...
Она страдала и любила,
Уснувъ, какъ бѣдный мотылекъ...
Какъ чайка бѣлая—кружила
Она надъ моремъ нашихъ слезъ...
Въ сердцахъ у насъ она царила,
Какъ свѣточъ лучшихъ нашихъ грезъ!..

И оборвался путь исканій—
Души измученной, больной,
Истерзанной однимъ страданьемъ—
Какой-то жизни роковой...
Съ душой довѣрчивой, открытой,—
Съ глубокимъ взглядомъ дивныхъ глазъ—
Она не будетъ позабытой...
Звѣздой зажжется, какъ алмазь...

И съ высоты небесъ далекихъ—
Мы слышимъ голосъ дорогой...
Онъ насъ чаруетъ, одинокихъ...
Мы съ нимъ сливаемся душой!..

Павель Галенковскій.

РЕЦЕНЗИИ

„Кривое Зеркало.“

Вчера „Кривое Зеркало“ скривилось до вычайности, до того, что даже сама величественная, увидѣвъ свое отраженіе, не выдержавъ, хохотала въ лицѣ этихъ накрахмаленныхъ мотыльковъ и замороженныхъ, чопорныхъ дамъ.

Дѣйствительно, случилось нѣчто небывалое: въ театральномъ премьерѣ: изъ 4-хъ номеровъ 3 оказались настоящими шедеврами, достойными соисканія съ пресловутой „Вамп“.

И только „Оживающія статуи“ явились нѣкимъ диссонансомъ. Кстати, зачѣмъ испортили красную пародію Измайлова на С. Горюхова всего 3 строчки, но все же вѣдь неудобно! Героиня вечера была безусловно величественная, а не шутка, какъ въ „Кинематографѣ“.

„Невинная жертва безумной страсти“ и „Вая любовь старца“. Каждый выходъ лектора-матюшника г. Антимонова и каждая изъ картинокъ покрывались бѣшенными аплодисментами, привявшими къ концу затяжную форму адреса автора и исполнителей.

Арабская сказка „Ночь 1002-я“, хотя и была почти каждому, но ея безпретенциозный юморъ и необыкновенное обиліе деталей даютъ ей неоспоримое право на почетное „репертуарной пьесы“.

Третій партнеръ въ этомъ блестящемъ инсценированномъ разсказѣ Марка Твена „Кипишутъ“,—тонкій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и являющійся сатирикомъ на журнальные нравы.

Выпуклыя, рельефныя фигуры стараго и новаго редакторовъ дали гг. Лукинъ и Фенинъ. Поставленная въ заключеніе „образцовая комедія“ „Восторги любви“ достойно увѣнчала на рѣдкость удачный вечеръ премьеры.

Н. Бояро

Театръ „Пассажъ“.

Бенефисъ г. Тумашева.

Для своего бенефиса г. Тумашевъ поставилъ „Прекрасную Ризетту“ и дивертисментъ, под названиемъ „Въ гостяхъ у бенефицианта“.

Талантливый артистъ, выступившій въ роли герцога Томазиуса II, по обыкновенію, имѣлъ